

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Материалы и замѣтки.

На страницахъ „Русской Старины“ всегда получали мѣсто материалы, служащіе къ изученію тѣхъ условій, въ которыхъ находилась въ нашемъ отечествѣ умственная дѣятельность, занимающая первостепенное мѣсто въ развитіи всякаго народа. Большинство этихъ материаловъ, весьма понятно, относилось еще къ дореформенной и крѣпостной Россіи, когда надъ умственною сферою жизни всецѣло господствовала полицейско-бюрократическая опека, въ формѣ предварительной цензуры. Материалы эти давали понятіе о томъ, какія послѣдствія приносила эта опека русской литературѣ, выискивали, что подвергалось преслѣдованіямъ и считалось вреднымъ въ области мысли и насколько государство, общество и отдѣльныя лица спасались этимъ путемъ отъ воздѣйствія „превратныхъ идей“ или „лжеученій“. Слѣдующій затѣмъ періодъ исторіи русской умственной жизни, ознаменовавшійся обильнымъ рожденіемъ и развитіемъ политическихъ идей и направленіемъ мысли къ изслѣдованію народнаго быта и основъ общественной организаціи, создалъ, какъ извѣстно, новыя или, вѣрнѣе, видоизмѣненныя внѣшнія условія для нашей печати. Условія эти выразились въ положеніяхъ о печати 6 го апрѣля 1865 года, заимствованныхъ изъ законовъ, господствовавшихъ во Франціи въ первое время второй имперіи, и заключались, главнымъ образомъ, въ освобожденіи нѣкоторой части печати отъ предварительной цензуры, съ установленіемъ двойкаго рода отвѣтственности для редакторовъ, издателей и авторовъ: передъ судомъ, въ случаяхъ нарушенія какого нибудь уголовнаго или полицейскаго закона, и передъ администраціею, въ случаяхъ обнаруженія въ періодическомъ изданіи или сочиненіи „вреднаго направленія“.

Этотъ періодъ, видимо, доживаетъ свои послѣдніе дни, о чемъ можно заключить уже изъ того, что практика допустила много уклоненій отъ закона 6 го апрѣля 1865 года, какъ въ пользу печати, такъ и въ ограничительномъ смыслѣ, а въ 1880 году, самимъ правительствомъ возбужденъ былъ вопросъ о необходимости пересмотра законовъ о печати. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ начали уже появляться материалы, могущіе выяснить какія именно услуги оказали эти внѣшнія условія печати государству, обществу, русской литературѣ и вообще успѣхамъ умственнаго развитія Россіи. Къ числу любопытнѣйшихъ материаловъ этого рода слѣдуетъ отнести воспроизведенный газетою „Русь“

(въ ноябрѣ и декабрѣ 1881 г.) „судебный процессъ“ о воспрещеніи въ 1868 году газеты „Москва“, выходившей подъ редакціею И. С. Аксакова.

При такихъ обстоятельствахъ, мы сочли своевременнымъ дать мѣсто въ „Русской Старинѣ“ не безынтересному очерку изъ исторіи другаго періодическаго изданія, воспрещеннаго въ 1878 году, безъ всякаго уже „процесса“, въ самомъ концѣ той административной дѣятельности, въ планы которой входило прекращеніе существованія газеты „Москва“ ¹⁾. Изъ сопоставленія этихъ матеріаловъ можетъ получиться, такимъ образомъ, довольно цѣльная картина изъ исторіи внѣшнихъ условій русской печати, за десятилѣтній періодъ времени—1870—1879 гг.

Ред.

1.

Въ 1876 году я вздумалъ издавать еженедѣльную, политическую и литературную газету. Необходимо напомнить тогдашнія обстоятельства и условія печати. Мнѣ онѣ были очень хорошо знакомы, я не былъ новичкомъ въ дѣлѣ. Основать независимую газету, съ чисто политическими, общественными и литературными цѣлями, составляю мой давнишній идеалъ. Я питалъ его съ университетской скамьи, когда и началось участіе мое въ журналистикѣ.

Съ 1863 г. и до конца 1869 г., я почти исключительно писалъ въ подцензурныхъ и притомъ провинціальныхъ газетахъ. Можетъ быть, то время было другое, но о предварительной цензурѣ у меня не сохранилось неблагоприятныхъ впечатлѣній. Сначала, цензоръ зачеркнетъ два-три слова, иногда цѣлую фразу. Помню, однажды, цензорское перо положило красный крестъ на всю мою статью, уничтожило ее цѣликомъ; но старичекъ цензоръ тутъ же поинтересовался узнать кто авторъ и, удовлетворивъ свое любопытство, черезъ посредство редактора, просилъ мнѣ передать свое извиненіе. „Очень хорошо, мнѣ очень жаль, прибавилъ онъ,—но что же дѣлать — нельзя“. Вообще отношенія были довольно благодушныя и не разъ случалось, что цензоръ, редакторъ и авторъ совокупно ломали голову, какъ бы такъ выразить и закутать въ такія неуволнимыя формы вѣрную мысль или полезный совѣтъ, чтобы не пропала статья, чтобы извѣстное явленіе не было обойдено молчаніемъ, но чтобы не вышло и какого нибудь „недоразумѣнія“ или „нахлобучки“ со стороны мѣстной администраціи или изъ Петербурга..

¹⁾ Настоящій очеркъ доставленъ намъ 2-го декабря 1880 г., но, за недостаткомъ мѣста, мы не могли его напечатать до настоящаго времени. Ред.

Перебравшись въ столичную печать и связавъ съ тѣхъ поръ съ нею свою личную судьбу самыми тѣсными, неразрывными узами, я надѣялся, что тутъ-то и откроется широкое поле для независимаго литературнаго труда. Мнѣ казалось, что это все равно, что моряку выбраться въ открытое море, что выброшенной на берегъ рыбѣ снова очутиться въ родной стихіи. Вѣдь „столичная печать“ — это означало „свободу“ и самостоятельность, это говорило объ избавленіи мысли и слова отъ цензурныхъ пеленокъ, отъ унижительной и раздражающей опеки надъ человѣческимъ умомъ и творчествомъ. Оказалось, что „столичная свобода“ печати не болѣе какъ плохо намалеванная, далеко не блестящая, скоро продырявившаяся и обезцвѣтившаяся декорация. Цензура царила надъ этою печатью не только во всей своей мертвящей силѣ, но въ измѣненной своей оболочкѣ создала надъ умственной жизнью и словомъ новый, гораздо болѣе опасный для литературы гнетъ. Это былъ гнетъ редакторскаго и издательскаго страха, это гнетъ излишней осторожности, разсчета, усердія и податливости. Съ предварительною цензурою боролись; изобрѣтенную же въ столицахъ „свободу“ уступали, сѣуживали и спускали по такой наклонной плоскости, что приходилось сомнѣваться въ человѣческомъ разумѣ и приравнивать къ доньихотству простой гражданской долгъ и обыденное самоуваженіе. Нѣкоторые черезчуръ напуганные издатели превосходили самую опасливую цензуру, являлись болѣшими цензорами, нежели сама цензура. Во время предварительной цензуры, я не видѣлъ, чтобъ редакторамъ и авторамъ приходилось ломать свои убѣжденія, извращать свое нравственное и умственное я. Тамъ могли вычеркнуть фразу, запретить всю статью, книгу, номеръ газеты, но вы оставались тѣмъ, чѣмъ были, васъ ничто не заставляло склоняться сегодня передъ администраторомъ, завтра — передъ публикою. Вы постоянно были въ поступательномъ положеніи относительно цензуры и подъ этимъ напоромъ случалось, что она уступала сегодня то, что считала недозволеннымъ вчера. Здѣсь же происходило совершенно обратное явленіе. Вы вынуждались собственноручно налагать оковы на свою „свободу“, на свою мысль, на свою творческую фантазію... Насколько интересы издателей, редакторовъ и сотрудниковъ были общи по отношенію къ предварительной цензурѣ, настолько они разъединились: разбились на личные и

частные во время этой мнимой „столичной свободы“ печати. Тамъ, если не всѣ, то большинство этихъ интересовъ тянули въ пользу независимой мысли и убѣжденнаго печатнаго слова; здѣсь, наоборотъ, большинство выдавало одинокихъ борцовъ за права печати, ставило ихъ въ исключительное положеніе, подвертывало подъ удары, которые тѣмъ болѣе получали оправданіе, чѣмъ сговорчивѣе, изворотливѣе становился общій тонъ журналистики. Среди свободныхъ и независимыхъ людей самое рѣзкое слово и самая смѣлая, допустимъ даже невѣрная, мысль проходить безбояვნено; но въ средѣ людей, придавленныхъ административнымъ гнетомъ, тонъ уже нѣсколько возвышенный и убѣжденный голосъ кажутся чѣмъ-то тревожнымъ.

Въ началѣ 1876 г., все это не было, однако, для меня такъ яснымъ, какъ теперь. Правда, что циркуляры графа К. И. Палена и графа Д. А. Толстаго объявляли въ ту годину большинство родителей въ неблагонадежности, вносили разладицу въ семьи и приглашали казенныхъ учителей и прокуроровъ взять на себя родительскія обязанности; но подобныя заблужденія и колебанія семейныхъ основъ печать имѣла возможность тогда же смягчить и ввести въ должныя границы. Точно также не осталась безъ должнаго разъясненія и извѣстное дѣло Лонгинова съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, которыя изъ академическаго изданія, въ нарушеніе вѣковой традиціи, были обращены въ оброчную статью министерства народнаго просвѣщенія. Интрига, лежавшая въ основѣ этого дѣла, скоро вышла наружу и привела къ тому, что старѣйшее русское изданіе поступило въ ликвидацію вмѣстѣ съ лошадьми и прочимъ хламомъ неудачно спекулировавшей банкирской конторы. Какъ ни неблагопріятны были эти признаки, но ничто не предвѣщало, что для русской печати могли наступить гораздо худшія еще и болѣе тягостныя времена (1877—1879 гг.).

Напротивъ, имѣлись основанія къ болѣе радужнымъ и успокоительнымъ надеждамъ. Въ началѣ 1876 г. разгоралось уже то „славянское движеніе“, которое скромно началось съ августа 1875 г., съ денежнаго сбора въ пользу босняковъ и герцеговинцевъ. Многіе были увѣрены, что вниманіе къ ужасамъ турецкаго гнета, къ невыгоднымъ послѣдствіямъ турецкаго управленія искреннее увлеченіе идеею освобожденія балканскихъ славянъ, соболѣзнованіе къ ихъ страданіямъ и помощь въ ихъ борьбѣ — окажутъ

благопріятное вліяніе..... Какъ нарочно, къ этому же времени умеръ М. Н. Лонгиновъ и на мѣсто начальника главнаго управленія по дѣламъ печати назначенъ В. В. Григорьевъ. Правда, одна газета, въ видѣ напутственнаго слова новому начальнику, объявила, что главнѣйшая заслуга покойнаго М. Н. Лонгинова заключалась въ томъ, что онъ энергически преслѣдовалъ „разбойниковъ пера и мошенниковъ печати“, но независимые, честные, убѣжденные люди вздохнули свободнѣе, узнавъ объ этой смерти. Извѣстно, что въ теченіи трехъ лѣтъ, благодаря М. Н. Лонгинову, не появлялось ни одной новой газеты, ни одного новаго журнала. Мнѣ лично случилось имѣть довольно характерное объясненіе съ Лонгиновымъ по этому поводу.

Это было еще въ началѣ его поприща по обузданію и пресѣченію русской умственной жизни.

Я пришелъ, чтобъ узнать о судьбѣ одного издательскаго предположенія. Меня заставили нѣсколько побождать. Затѣмъ растворилась дверь изъ „кабинета“ и ко мнѣ выбѣжалъ черномазый, коренастый человѣкъ, съ быстрыми, развязными манерами и въ какомъ-то юношескомъ пиджакѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ такимъ тономъ, какимъ говоритъ человѣкъ, привыкшій быть вѣжливымъ только съ высшими и желающій сразу внушить, что разговаривать „со всякимъ“ онъ не намѣренъ.

Получивъ желаемое объясненіе, Лонгиновъ прервалъ его не менѣе короткимъ и рѣзкимъ „нельзя“ и повернулся, чтобъ скрыться въ своемъ „кабинетѣ“. Меня взорвала эта чиновничья безцеремонность въ обращеніи съ просителями и людьми, во всякомъ случаѣ привыкшими къ порядочному обществу. Не помню теперь, какимъ путемъ, но я удержалъ Лонгинова въ пріемной и побудилъ его дать объясненіе отказу. Тогда между нами произошелъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

— Общія или частныя причины служатъ къ отказу?

— Общія, въ частности противъ просителя ничего не имѣется.

— Но чѣмъ же мотивируются эти общія причины? Вѣдь по закону о печати каждому не возбранено предпринимать новое изданіе, лишь бы не было отрицательныхъ препятствій?

— Дозволеніе принадлежит министру... министръ рѣшилъ никому не разрѣшать.

— Но вѣдь это уничтоженіе закона, ограниченіе правъ...

— Это ужь какъ вамъ угодно!... Можете жаловаться въ Сенатъ... Не вы одни, вотъ ихъ тутъ цѣлая куча, подобныхъ прошеній... Даже московскому генералъ-губернатору отказано, хотя онъ усиленно ходатайствовалъ въ пользу одного лица... Это общее теперь правило, обижаться нечего.

— Сколько я понимаю, эта мѣра означаетъ общее недовольство печатью... Но какъ-же въ такомъ случаѣ объяснить, что существующія изданія обращаются въ концессию, въ монополію?... Эта мѣра закрѣпощаетъ читателей за тѣми изданіями, которыми вы сами недовольны!

— И такъ ихъ расплодилось много... Намъ читать, услѣдить за ними даже невозможно!...

— Въ такомъ случаѣ назначьте новаго чиновника. За что-же должна отвѣчать и закрѣпощаться читающая публика?

— Это ужь вы подите объясняйтесь съ министромъ, если ему угодно будетъ дать вамъ отчетъ въ правительственныхъ распоряженіяхъ!...

На этомъ разговоръ нашъ кончился и это было первое и послѣднее мое свиданіе съ М. Н. Лонгиновымъ. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ трехъ лѣтъ онъ былъ вѣренъ своей системѣ. Новыя изданія не разрѣшались и этимъ объясняется, что образовалась своего рода торговля неосуществившимися или неудавшимися изданіями. Общее издательское право обратилось въ концессионное, въ привиллегію.

Въ декабрѣ 1875 г., вскорѣ послѣ смерти М. Н. Лонгинова, поприивыкшій уже къ этой „системѣ“ литературный міръ пораженъ былъ вдругъ пріятною неожиданностью: въ газетахъ появилось объявленіе объ изданіи съ 1876 г. въ Петербургѣ новой газеты. Честь сложенія „лонгиновой системы“ выпала на долю благополучно издающейся и до сихъ поръ на нѣмецкомъ языкѣ газеты „St.-Petersburger Herold“. Первоначально, по поводу прошенія издателей, изъ главнаго управленія по дѣламъ печати послѣдовалъ стереотипный, хорошо знакомый многимъ, отвѣтъ: „на ходатайство просителей г. министръ не соизволилъ“. Но видно нѣмцы не сговорчивѣ насъ, русскихъ, и болѣе привыкли къ уваженію своихъ правъ. Они не удовольствовались отказомъ и отправились къ министру. Тогда обнаружился, какъ передавали, слѣдующій курьезъ: три года главное управленіе по дѣламъ печати, именемъ министра, отказывало по всѣмъ просьбамъ о но-

выхъ изданіяхъ, даже не беспокоясь докладывать ему объ этомъ. Три года умственная жизнь Россіи вгонялась въ произвольныя, обращенныя въ монополію и привилегію, рамки, а глава министерства даже и не подозрѣвалъ, что его именемъ чинится подобное насиліе и стѣсненіе обезпеченныхъ закономъ за каждымъ образованнымъ, незаподозрѣннымъ и неопороченнымъ человѣкомъ правъ! Оказалось, что М. Н. Лонгинову, еще въ началѣ его „поприща“, удалось провести свою „систему“ въ формѣ какого-то „общаго доклада“, о которомъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ забылъ вскорѣ и думать ¹⁾. Во всякомъ случаѣ редакція „St. Petersburg Herald“ добилась разрѣшенія, не смотря на этотъ „общій докладъ“, и съ тѣхъ поръ предать его забвенію пришлось уже журнальному міру. Вскорѣ потомъ, при В. В. Григорьевѣ, стали возникать другія новыя изданія. Въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежало „Дневнику писателя“ Ѳ. М. Достоевскаго. Вскорѣ, наконецъ, стало извѣстно, что А. С. Суворину, въ компаніи съ В. И. Лихачевымъ, разрѣшено приобрѣсти и издавать газету „Новое Время“.

Все это, какъ сказано уже, предвѣщало тогда благопріятный поворотъ для нашей внутренней жизни и для связанныхъ съ нею судебъ печати. Меня особенно привлекалъ примѣръ Ѳ. М. Достоевскаго и я приступилъ къ осуществленію своей заветной мечты. Съ В. В. Григорьевымъ я былъ немножко знакомъ. Никто даже не могъ тогда и подозрѣвать, чтобъ при немъ общее положеніе печати дойдетъ до такихъ невзгодъ, до такого паденія, что даже тяжелыя времена М. Н. Лонгинова должны были казаться „красными днями“..... Не въ укоръ В. В. Григорьеву

¹⁾ До какой степени покойный М. Н. Лонгиновъ прибѣгалъ къ несправдѣ, приключаясь именемъ министра внутреннихъ дѣлъ—ничего не вѣдаваго объ этомъ, служить нѣсколько случаевъ относящихся до „Русской Старины“: въ 1873 г. (октябрь) Лонгиновъ просто по капризу распорядился вырѣзать изъ этого изданія, остановивъ книгу, одинъ литературный дневникъ 1830-хъ годовъ, составлявшій семь печатныхъ листовъ, т. е. 112 страницъ; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Лонгинова, съ разрѣшенія А. Е. Тимашева—этотъ вполнѣ невинный дневникъ явился въ той-же „Русской Старинѣ“. А что выдѣлывалъ тотъ-же М. Н. Лонгиновъ съ прелестными „Воспоминаніями Татьяны Петровны Пассекъ“! нѣсколько разъ сряду онъ вырѣзалъ ихъ изъ книгъ „Русской Старины“! доколѣ наконецъ смерть Лонгинова не дозволила, при томъ-же А. Е. Тимашевѣ, выйти въ свѣтъ этимъ замѣчательнымъ Запискамъ даровитой писательницы какъ на страницахъ „Русской Старины“, такъ и въ отдѣльномъ изданіи.

говорится это ¹⁾. Напротивъ, цѣлью этихъ замѣтокъ руководить именно желаніе, чтобъ выяснилась важность общихъ условій, въ которыя поставлено печатное слово въ Россіи. Власть этихъ условій обращала въ ничто самыя благія и идеальныя стремленія. Пока онѣ не будутъ измѣнены, тщетно надѣяться на усилія вернуть печатному слову подобающее ему значеніе и, главное, навсегда укрѣпить безпрепятственное развитіе умственной жизни Россіи.

Какъ бы то ни было, но въ январѣ 1876 г., исполненный надеждъ, я очутился въ кабинетѣ В. В. Григорьева, въ томъ же главномъ управленіи по дѣламъ печати. Онъ принялъ меня съ свойственными ему любезностью и словоохотливостью. Желаніе мое онъ выслушалъ терпѣливо, какъ человѣкъ ученый и любознательный, привыкшій читать и имѣть дѣло со всякими „фантазіями“. Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько любимыхъ своихъ фразъ о самонадѣянности петербургскихъ журналистовъ, о беспочвенности ихъ и незнаніи дѣйствительности; но охотно согласился, когда я замѣтилъ ему, что при нынѣшнихъ государственныхъ и общественныхъ условіяхъ никто не можетъ ручаться, что онъ стоитъ на почвѣ и выражаетъ дѣйствительные интересы жизни. Въ концѣ концовъ, В. В. Григорьевъ просилъ дать ему время подумать, сообразить и приглядѣться къ моимъ статьямъ. Ровно черезъ мѣсяцъ, въ назначенный срокъ, я снова явился въ управленіе. Въ приемной меня ожидало хорошее, казалось, предзнаменованіе. Я встрѣтилъ г. Суворина. Его дѣло было уже рѣшено въ благопріятномъ смыслѣ. Я пожелалъ ему отъ души успѣха...

Увидѣвшись съ В. В. Григорьевымъ, мнѣ показалось, что онъ былъ захваченъ какъ-бы врасплохъ моею настойчивостью. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ общалъ, однако, „поговорить съ министромъ“. Я не удовольствовался этимъ общаніемъ. Я сказалъ, что очень хорошо знаю бюрократическіе приемы и термины. Мнѣ нужно „предстательство“, а не докладъ, такъ какъ министру я неизвѣстенъ. В. В. Григорьевъ улыбнулся по поводу этой прозорливости и сталъ распространяться о томъ, что у него, В. В. Григорьева, „свой взглядъ на людей и на журналистовъ въ частности. Всѣ ихъ выходки, все это „либеральничанье“ хороши, пока отвѣчаютъ чужая газета, чужой карманъ. Личный интересъ приводитъ къ благоразумію и сдержанности. Вотъ „бѣдный N. N.

¹⁾ Писано въ декабрѣ 1880 г., при жизни В. В. Григорьева. Ред.

пострадалъ черезъ своихъ сотрудниковъ“, а онъ, В. В. Григорьевъ, вполне увѣренъ, что каждый изъ нихъ, неукротимость которыхъ главнымъ образомъ ставилась въ вину Н. Н., (Григорьевъ называлъ быв. редактора газеты), остепенится и совѣмъ иначе поведетъ себя въ своей газетѣ. „Своя-то рубашка ближе къ тѣлу“.

Меня удивилъ этотъ циничный взглядъ на журналистовъ; но я не могъ не сознавать, что извѣстный издательскій страхъ и уступчивость давали В. В. Григорьеву поводъ къ подобной практической философіи ¹⁾. Подъ вліяніемъ горячаго желанія достигнуть излюбленной цѣли, человѣкъ не обращаетъ должнаго вниманія на преграды и неудобства; онѣ кажутся ему несущественными и одолимыми. Такъ и я не придавалъ особаго значенія означенной философіи. Мнѣ показалась она просто въ видѣ маленькаго предостереженія. Я отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія издатель и редакторъ ближе заинтересованы въ существованіи изданія и расположены къ большей осторожности, но и сотрудникамъ не чужды тѣже интересы. Во всякомъ случаѣ, съ полною искренностью, я увѣрилъ В. В. Григорьева, что мое изданіе будетъ въ предѣлахъ закона и правительственныхъ распоряженій, тѣмъ болѣе, что борьба слишкомъ не равна и во власти главнаго управленія находится столько могущественныхъ средствъ къ обузданію и покаранію строптивыхъ. Замѣтивъ, что эти обузданія не такъ легки, какъ кажется, В. В. Григорьевъ, въ концѣ концовъ, обѣщалъ мнѣ свое „предстательство“ предъ министромъ, а не простой докладъ. Дѣйствительно, въ мартѣ 1876 г., я получилъ желаемое разрѣшеніе на изданіе еженедѣльной, политической и литературной газеты „Русское Обозрѣніе“.

¹⁾ В. В. Григорьевъ вообще отличался откровенностью при изложеніи своей практической философіи. Въ бытность его на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, онъ вѣдалъ управленіемъ киргизовъ и отличался талантливымъ изложеніемъ въ годовыхъ отчетахъ всѣхъ красокъ преуспѣваній инородцевъ подъ отчетскимъ управленіемъ его и прочихъ чиновниковъ. „Вдругъ узнаю я, рассказываетъ г-жа Б—ва, бывшая въ то время съ мужемъ въ томъ краѣ,— что киргизы сотнями мрутъ отъ голода и В. В. Григорьевъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ отвращенію бѣдствій. Я съ недоумѣніемъ говорю ему объ этомъ у себя, за обѣдомъ.“

— „Да, это дѣйствительно ужасно, отвѣчалъ совершенно спокойно Василій Васильевичъ, но это такъ кажется только съ перваго разу: а потомъ поприглядитесь и совершенно свѣянитесь съ этимъ обычнымъ здѣсь явленіемъ“.

II.

Я желалъ начать изданіе съ осени; но разгорѣвшаяся въ Сербіи война и живое участіе русскаго общества въ ней побудили измѣнить первоначальное предположеніе. Первый нумеръ „Русскаго Обзорѣнія“ вышелъ 11-го іюля 1876 г. До конца августа, въ теченіи семи недѣль, все обстояло благополучно, разумѣя цензурныя условія... За этотъ короткій промежутокъ времени, нельзя не отмѣтить, однако, того явленія, которое должно быть знакомо многимъ изданіямъ, но которое недостаточно взвѣшивается. Между тѣмъ оно служитъ къ характеристикѣ журнальнаго міра и съ новою силою свидѣтельствуетъ, какъ тяжело обставлена у насъ идейная борьба и насколько нынѣшнія условія печати не благоприятствуютъ сплоченію и взаимопомощи даже въ дѣлахъ и случаяхъ несомнѣнно общаго интереса

„Русское Обзорѣніе“ испытало всю безотрадность этихъ условій во все время своего существованія. Ни разу въ журналистикѣ оно не встрѣтило поддержки, когда эта нравственная помощь была крайне необходима не только въ интересахъ изданія, но въ интересахъ всей печати и общества. Его обходили молчаніемъ одни, въ то время, когда градъ насмѣшекъ, площадной брани и искаженій сыпался со стороны всѣхъ остальныхъ, составлявшихъ большинство журнальнаго міра. Чувство одинокости, безнадежности, незаслуженной обиды, явной несправедливости не разъ овлаждало редакціей. Какъ возмущается желчь и бессильно опускаются руки, какой запасъ энергіи и вѣры въ добро необходимо имѣть, среди равнодушія и безучастія тѣхъ, сочувствіемъ и нравственнымъ одобреніемъ которыхъ дорожишь, и среди злобы и несправедливостей враждебнаго лагеря! При такихъ условіяхъ, маленькому, матеріально небогатому, начинающему изданію, основанному литературными труженниками, почти нѣтъ возможности пробиться, сдѣлаться даже извѣстнымъ обществу, въ интересахъ котораго оно выходитъ на борьбу.

Одинокому, предоставленному своимъ собственнымъ силамъ, небогатому матеріальными средствами новому журналу оставалось на долю только горькое сознаніе, что ему не найти ни дру-

зей, ни поддержки въ корифеяхъ журнальнаго міра. Содѣйствіи однихъ оно не въ состояніи было пріобрѣсти, другіе привыкли болѣе обращать вниманіе на враговъ, нежели на друзей, третьи считали невыгоднымъ (въ издательскихъ интересахъ) вниманіе къ своему собрату, четвертые находили это неудобнымъ въ виду цензурныхъ соображеній, всѣ же остальные считали и выгоднымъ, и удобнымъ противодѣйствовать ему, убивать его въ общественномъ мнѣніи, не говоря конечно о тѣхъ, которые по своимъ искреннимъ убѣжденіямъ, политическимъ и общественнымъ принципамъ, не могли быть въ союзѣ съ новымъ журналомъ и должны были враждовать съ нимъ. Спрашивается теперь, развѣ все это нормальныя явленія, развѣ такіе приемы, обычаи и условія благоприятны для всей печати; для достоинства журналистики, для поддержанія честныхъ литературныхъ труженниковъ, для развитія литературныхъ направленій и освобожденія печати отъ издательской спекуляціи? Тѣмъ не менѣе, и съ этими неблагоприятными условіями можно было бы бороться, надъ ними можно было бы торжествовать и они сами, вѣроятно, измѣнились бы къ лучшему, еслибъ на помощь имъ и во вредъ истиннымъ интересамъ литературы не являлись стороннія обстоятельства.

Исторія „Русскаго Обозрѣнія“ представляетъ тому лучший, поучительный и ободрающій примѣръ.

Журналъ этотъ не только успѣлъ стать на ноги, пробиться, сквозь общественное равнодушіе и невѣдѣніе, онъ не только вправѣ гордиться нравственнымъ успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ въ сравнительно короткое время, но какъ будетъ показано ниже, „Русское Обозрѣніе“ успѣло достигнуть такого матеріальнаго положенія, что могло бы оплачивать всѣ издержки изданія и служить самостоятельно опорой литературнаго труда. Но тутъ-то явились тѣ обстоятельства, которыя мы привыкли называть „независящими“. По счастью, ихъ открыто называютъ теперь нынѣшними законами и условіями печати. На нихъ обращено уже должное вниманіе и можетъ быть, при дружномъ содѣйствіи всей журналистики, при помощи подобныхъ разоблаченій, онѣ измѣнятся къ лучшему, не будутъ стоять на дорогѣ умственной жизни, не станутъ подрывать независимое, убѣжденное печатное слово.

III.

Первое предостереженіе „Русское Обозрѣніе“ получило 24-го августа 1876 г., на сорокъ пятый день послѣ своего рожденія. Самъ инспекторъ типографій почтилъ редакцію своимъ визитомъ, выразилъ чувство своего соболѣзнованія, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ относительно „непріятной обязанности“, вручилъ бумагу, заставилъ расписаться и уѣхалъ.

Я охотно повѣрилъ „непріятной обязанности“ г. инспектора, но еще болѣе почувствовалъ непріятность положенія тѣхъ, которые предостерегались. Читая прекрасно написанную бумагу, видя въ ней ссылки на законъ, на какія-то статьи и заключеніе, во всемъ согласное съ основаннымъ на нихъ „распоряженіемъ“, я находился въ положеніи человѣка, внезапно оторванного отъ работы, отъ своихъ мыслей и расчетовъ и очутившагося неожиданно, нежданно, передъ судилищемъ, изрекающимъ вѣдѣнія рока. Мало того, что человѣка невѣдомо за что потянули къ суду, но уже и осудили и наказали, не потрудившись даже объявить, въ чемъ заключалась его вина, нисколько не признавая даже, что у него могутъ найтись какія нибудь оправданія; недостаточно того, что человѣкъ чувствуетъ, что какая-то невѣдомая рука налегаетъ на его мозгъ, толкаетъ и тащитъ его, но остается неизвѣстнымъ даже куда и почему производится это „направленіе“.....

Распоряженіе было на этотъ счетъ очень лаконично.

Оно просто указывало, что первое предостереженіе дано за фельетонъ № 7-й газеты „Русскаго Обозрѣнія“.

Въ этомъ фельетонѣ, какъ и въ большинствѣ, говорилось не объ одномъ предметѣ. Если трудно, чтобъ составилось два совершенно одинаковыхъ мнѣнія объ одной и той же статьѣ, посвященной одному цѣльному вопросу, если и въ этомъ случаѣ, даже при одинаковости вкусовъ и убѣжденій, одному придется по сердцу такое-то мѣсто, такое-то выраженіе, а другой найдетъ, что именно здѣсь-то и слѣдовало бы выразиться иначе, яснѣе, осторожнѣе или, наконецъ, совсѣмъ даже промолчать, то можно себя представить тѣ недоумѣнія, которыя вызываются по поводу предостереженія, даннаго за фельетонъ!

Причины административныхъ взысканій печати не только не объ-

яснялись, но ихъ тщательно скрывали отъ ближайше заинтересованныхъ лицъ — редакторовъ и издателей. Только нѣкоторымъ, въ особыхъ, благопріятныхъ случаяхъ, когда изданія пользовались расположеніемъ и взысканія вызывались со стороны, помимо „заключеній“ главнаго управленія, удавалось проникнуть въ эти „эльвезинскія тайнства“. Вообще-же, это считалось празднымъ любопытствомъ и неумѣстнымъ притязаніемъ на проникновеніе въ бюрократическіе виды и соображенія. Подвергавшимся взысканіямъ представлялась свобода предостерегаться вообще и опасаться всего. Прежде бывало, по примѣру бонапартистскихъ „considerant“, въ текстъ предостереженій вставлялось „принимая въ соображеніе“ и объяснялись мотивы взысканія. Редакторъ, а съ нимъ и публика узнавали, напримѣръ, что въ статьѣ, говорящей о разъединенности земствъ и о пользѣ земскихъ сѣздовъ, усматривается явное порицаніе существующему порядку и прямое стремленіе къ измѣненію установленнаго образа правленія. (Такое предостереженіе получено было однажды прежними „С.-Петербургскими Вѣдомостями“). Хотя отъ заинтересованныхъ взоровъ и въ этихъ случаяхъ скрывались тѣ логическіе пути и головоломныя соображенія, при помощи которыхъ получались подобныя неожиданныя заключенія, но редакторъ узнавалъ, по крайней мѣрѣ, что о земскихъ сѣздахъ говорить не слѣдуетъ и о другихъ сѣздахъ надлежитъ выражаться осторожно. Точно также и публика могла изъ этого понять, что газеты недаромъ помалчиваютъ о такомъ или другомъ предметѣ или явленіи, о той или другой потребности, что тутъ кроется что-то опасное, подрывчатое... Кромѣ того, мотивы все таки обязывали нѣсколько, соблюдали видъ причинности, приглашали хотя къ послѣдовательности и нѣкоторому безпристрастію. При нихъ нельзя было, по крайней мѣрѣ, давать предостереженія безъ всякаго повода... Все это сдѣлалось возможнымъ, когда всякія церемоніи были отброшены и взысканія стали налагаться безъ всякихъ объясненій. „Преобразование“ это совершилось во времена М. Н. Лонгинова, безъ измѣненія закона, административнымъ путемъ, и съ тѣхъ поръ долго покоилось на незыблیمыхъ основахъ, не въ примѣръ прочимъ реформамъ, не смотря на смѣну лицъ, вѣяній и эръ.

Первое предостереженіе я перенесъ стойчески, съ восточною покорностью судьбѣ. Я перечелъ провинившійся фельетонъ, же-

лая отыскать преступленіе и исправиться. Тамъ говорилось о приѣздѣ Бразильскаго императора, выражалось сочувствіе его нежеланію пользоваться официальнымъ приѣмомъ; но вмѣстѣ иронически указывалось, что въ этомъ нежеланіи кроется для насъ опасность. Оставаясь частнымъ путешественникомъ, Донъ-Педро усмотритъ, пожалуй, у насъ такія вещи, которыя всякая опытная хозяйка любитъ припрятать отъ глазъ гостя. Онъ узнаетъ, чего добраго, что посѣщенные имъ университеты висятъ на волоскѣ, въ виду Любимовскихъ проектовъ, и что за показанными ему школами скрываются сотни дѣтей, не имѣющихъ доступа къ образованію даже въ столицѣ. Все это была совершенная правда и заслуживало, казалось, исправленія, а не наказанія тѣхъ, кто не довольство ался блестящими декораціями нашего школьнаго дѣла на разныхъ выставкахъ и въ музеяхъ. Далѣе упоминалось о приостановкѣ, постигшей „Русскій Міръ“, указывалось, что взысканіе это привлекло вниманіе публики къ инкриминированной статьѣ, которая прошла было безслѣдно, и что сотрудники приостановленнаго изданія остались безъ заработка; при этомъ указано было на печальную участь одного молодого человѣка, который, послѣ долгихъ поисковъ, только за нѣсколько дней передъ тѣмъ, получилъ въ этой редакціи занятія. Опять все это были факты и хотя разсужденія клонились къ неодобренію распоряженія и самой системы административныхъ взысканій съ печати, но вѣдь на это было право, обеспеченное закономъ, по отношенію ко всѣмъ административнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ, въ заключеніе фельетона говорилось о журналистикѣ, именно объ ея разьединенности и равнодушіи къ своимъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ тоже, казалось бы, не изъ-за чего было цензурѣ безпокоиться и предостерегать. Словомъ, если читатели угадаютъ, за чтѣ дано это предостереженіе, если они признаютъ, что во всемъ этомъ было что-то опасное, какое нибудь „лжеученіе“, какая нибудь „вредная идея“, если они признаются, что они не читали и сами не думали тысячу разъ на подобныя же темы и въ такомъ же родѣ,—то они будутъ очень счастливы. Мнѣ же и до сихъ поръ приходится только удивляться и недоумѣвать.

Тутъ кстати привести новый примѣръ, какъ легко налагались на печать разныя тягости. Можно сказать, что только лѣнивый не заносилъ своего копыта на эту пресловутую „свободу мысли въ обсужденіяхъ“ и удары эти сыпались, конечно, безъ всякихъ

справокъ съ закономъ. Печать-же съ покорностью выносила урѣзки своихъ правъ... Ни жалобы, ни даже однороднаго ходатайства нельзя было добиться со стороны тѣхъ, кто ежедневно поучалъ публику...

Съ первыхъ же недѣль изданія „Русскаго Обозрѣнія“, редакціи пришлось убѣдиться, что въ Петербургѣ заведены были какія-то особыя, крайне невыгодныя для газетъ и для публики правила розничной продажи нумеровъ. Все это дѣло было отдано па руки семи или восьми кулаковъ, избранныхъ типографскимъ надзоромъ и утвержденныхъ тогдашнимъ Петербургскимъ градоначальствомъ. Этимъ кулакамъ однимъ почеркомъ пера закабалены были интересы публики, изданій и, наконецъ, дѣйствительныхъ продавцевъ газетъ. Изъ свободнаго труда и заработка, правила создали монополію, такую же концессионную систему, какую М. Н. Лонгиновъ изобрѣлъ для самихъ изданій. Нѣсколько десятковъ тысячъ рублей попадали въ руки этихъ семи или восьми избранныхъ концессионеровъ, безъ всякаго съ ихъ стороны риска и труда. Помимо ихъ воли и согласія пельзя было купить или продать ни одного нумера газеты или журнала на улицахъ Петербурга и въ окрестностяхъ. Свои громадныя барыши они тянули съ кого Богъ пошлетъ: то съ редакцій, то съ продавцевъ газетъ, то съ публики, смотря по обстоятельствамъ. Отъ этихъ кулаковъ до извѣстной степени зависило пустить въ ходъ газету, или стѣснить ея распространеніе. Они требовали, напримѣръ, такихъ уступокъ, что отдѣльная продажа нумеровъ становилась убыточною и потому невозможною. Такъ какъ благополучіе этихъ кулаковъ находилось въ полномъ распоряженіи градоначальства, потому что отъ послѣдняго зависило отнять это монопольное право и связанные съ нимъ барыши отъ Евлампьева и передать Семенову, — то и для градоначальства, такимъ образомъ, получалась возможность оказывать давленіе на столичную печать. Незамедливъ испытать на себѣ всѣ невыгоды этихъ правилъ, получивъ изъ публики нѣсколько заявленій по этому поводу, „Русское Обозрѣніе“ не замедлило выступить печатно противъ этой монополіи, этой своего рода откупной системы. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что правила эти созданы произвольно, усмотрѣніемъ градоначальства, вопреки закону, подъ предлогомъ удобства надзора. Оно, дѣйствительно, было удобно, но не всякое удобствѣ

полиціи согласуется съ закономъ и можетъ быть навязываемо публикѣ. Полиціи, напримѣръ, очень удобно было бы для соблюденія наружной тишины и порядка, запереть всѣхъ жителей въ домахъ, не выпускать никого на улицы или выслать въ отдаленныя мѣста всѣхъ сомнительныхъ. Тогда, пожалуй, и однимъ городовымъ на весь Петербургъ можно было бы, ограничиться; но такія полицейскія удобства находятся въ полномъ противорѣчій съ удобствами населенія и государства и нигдѣ не могутъ быть терпимы. Между тѣмъ, подобное удобство создало для себя Петербургское градоначальство въ указанномъ случаѣ. Въмѣсто того, чтобъ надзирать за 100—200 продавцами газетъ, оно предоставило это дѣло только семи или восьми лицамъ, которые очутились хозяевами дѣла, а дѣйствительные торговцы попали въ нимъ въ кабалу, въ батраки, вмѣстѣ съ изданіями и интересами публики. Въ законѣ сказано, что уличная продажа газетъ, журналовъ и книгъ разрѣшается градоначальникомъ. Истинный смыслъ закона тотъ, что это свободный трудъ и пользованіе имъ предоставлено каждому, кому это не будетъ запрещено градоначальствомъ. Правила же, созданныя административнымъ порядкомъ, вывернули этотъ законъ на изнанку: на основаніи ихъ, торговля эта никому не разрѣшалась, за исключеніемъ нѣсколькихъ произвольно избранныхъ лицъ; свободный трудъ сданъ былъ на откупъ, обращенъ былъ въ привиллегію. Другими словами, въ этомъ случаѣ повторилось тоже самое, что и съ издательскимъ правомъ, которое въ теченіи трехъ лѣтъ, по благоусмотрѣнію М. Н. Лонгинова, обращено было въ концессию.

„Русское Обозрѣніе“ все это разъяснило и печатно пригрозило даже жалобою въ сенатъ на подобное безцеремонное обращеніе съ закономъ и правомъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ голосъ не раздался въ журналистикѣ на поддержку этого справедливаго протеста, удача котораго могла ограничить произвольныя нарушенія интересовъ общества и частныхъ лицъ и въ другихъ болѣе важныхъ случаяхъ; но за то редакція вскорѣ имѣла удовольствіе принимать у себя депутацію отъ торговцевъ газетами и нѣсколько лицъ, которымъ упорно отказывали прежде въ разрѣшеніи и грозили даже высылкою за повтореніе этихъ домогательствъ. Всѣмъ имъ, совершенно неожиданно, разрѣшеніе теперь было выдано. Незаконно созданная монополія была сломлена. Изъ того, что этого такъ легко было добиться, можно за-

включить, что тогдашній градоначальникъ и не подозрѣвалъ даже истиннаго значенія подсунутыхъ ему „правилъ“ п того произвола, который чинился подъ ихъ покровомъ. А между тѣмъ порядокъ этотъ столько времени практиковался и печать молча ему подчинялась!

Первый шагъ только труденъ. За первымъ предостереженіемъ 16 ноября 1876 г. послѣдовало и второе. Виновнымъ оказывался опять фельетонъ, появившійся въ № 18; но на этотъ разъ къ нему была пристегнута еще статья подъ заглавіемъ: „Разладъ жизни съ успѣхами науки и послѣдствія такого разлада“. Передавать содержаніе этихъ статей и разгадывать что въ нихъ нецензурнаго было бы излишне. Истинная причина кары разъяснилась, какъ читатели увидятъ, болѣе прямымъ путемъ. Ограничусь лишь, курьеза ради, указаніемъ, что та самая статья, которая такъ не понравилась цензурѣ, не пришлась по вкусу и какому то „либеральному кружку“. По крайней мѣрѣ, въ редакціи было получено безыменное заявленіе въ этомъ смыслѣ, съ указаніемъ, что по поводу этой статьи № 18 газеты былъ „изорванъ въ клочки“. Такого „либеральнаго“ отношенія къ чужому мнѣнію редакція не могла, конечно, оставить безъ вниманія. Все неприличіе подобныхъ „либеральныхъ манипуляцій“ было указано въ № 19 „Русскаго Обозрѣнія“, а въ слѣдующемъ выпускѣ пришлось напечатать распоряженіе о второмъ предостереженіи за ту же самую (№ 18) статью. Такимъ образомъ вышло, что или либеральныя руки рвали ту статью, за которую газета подверглась взысканію, или административная кара преслѣдовала то, что не согласовалось со вкусами таинственнаго либеральнаго кружка. Въ обоихъ случаяхъ выходило явное противорѣчіе. Оба предостереженія, какъ либеральное, такъ и охранительное, свидѣтельствовали лишь объ одинаковой нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ..... Замѣтимъ ужъ, встати, что неоднократно случалось, что тѣ самыя статьи, которыя появлялись въ „свободной“ столичной прессѣ и вызывали строгія административныя взысканія, очень благополучно перепечатывались въ провинціальныхъ изданіяхъ, съ разрѣшенія подчиненныхъ главному управленію по дѣламъ печати цензоровъ.

Въ исторіи „Русскаго Обозрѣнія“ такіе курьезы повторялись неоднократно, при чемъ провинціальной перепечатки удостоивались, конечно, самыя выдающіяся мѣста инкриминированныхъ

статей. Можетъ быть провинціальные цензора и получали потомъ должныя внушенія за обнаруженіе подобной непрозорливости; но фактъ остается фактомъ: отъ свободной столичной печати требовалось, чтобъ она была осторожнѣе, воздержаннѣе и цензурнѣе самихъ цензоровъ!..

Дать газетѣ или журналу второе предостереженіе—это все равно, что привязать человѣка къ бочкѣ съ порохомъ. Второе предостереженіе—это постоянно висящій надъ изданіемъ, надъ редакціей и сотрудниками дамокловъ мечъ. Послѣ втораго предостереженія, никогда нельзя быть покойнымъ, невозможно дѣлать никакихъ расчетовъ, нельзя быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Издатель долженъ ежеминутно ожидать, что раздавшійся у его двери звонокъ возвѣщаетъ, что онъ приговоренъ таинственнымъ рокомъ къ громадному штрафу или обреченъ на полное разореніе; сотрудники, пробудясь послѣ безсонной трудовой ночи, могутъ узнать пріятную новость, что ихъ работа пропала даромъ, что задуманныя ими статьи утратили всякое значеніе, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имъ придется жить въ проголодь и потомъ столько же времени оправляться; типографія и весь связанный съ нею людъ точно также ежеминутно рискуютъ остаться безъ дѣла, безъ заработка.... Вотъ что означаетъ второе предостереженіе, потому что за нимъ также легко можетъ послѣдовать и третье, съ неизбѣжною пріостановкою изданія на срокъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ. Главное управленіе по дѣламъ печати очень хорошо знало, какія тяжелые оковы налагало второе предостереженіе на журналистику и какая отсюда получалась „свобода“ мнѣній и оглашеній. Въ тяжкія времена оно любило, поэтому, держать подъ этимъ гнетомъ всѣ сколько нибудь независимыя изданія. Были примѣры, что въ такомъ шаткомъ, невыносимомъ положеніи журналы и газеты держались цѣлые годы. Можно представить, какого мытарства, какой заботливости, какихъ уступокъ и оглядокъ все это стоило такимъ издателямъ и ихъ сотрудникамъ. Нужно было выворачивать мысль, притворяться глухими и нѣмыми; все это обходилось неисчислимыми умственными и нравственными терзаніями для сколько нибудь добросовѣстныхъ изданій и журналистовъ Легко теперь взвѣсить, какъ затемнялись истина, недостатки и интересы нашей жизни. Можно себѣ представить, что это былъ за „либерализмъ“. Не трудно догадаться, какія услуги способенъ былъ оказывать и тотъ «кон-

серватизмъ», который продиктованъ былъ опасеніемъ административныхъ каръ и соединенныхъ съ ними убытковъ. И все это было послѣдствіемъ предоставленія установленной закономъ свободы печати на произволъ административныхъ взысканій, все это зависило отъ какихъ-то вторыхъ и третьихъ предостереженій, появившихся неожиданно-негаданно, безотчетно, изъ сферы управленія по дѣламъ печати, которое совершенно изолировано отъ дѣйствительной жизни....

Получивъ 16 ноября 1876 г. второе предостереженіе, также неожиданно и непонятно, какъ и первое, я рѣшился, скрѣпя сердце, отправиться въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, чтобъ попытаться узнать, наконецъ, что означали эти кары? Смирившись духомъ и подготовивъ себя къ воспріятію всевозможныхъ внушеній и наставленій, тѣмъ болѣе, что я чувствовалъ себя нѣсколько обязаннымъ передъ В. В. Григорьевымъ (за его ходатайство о разрѣшеніи газеты), я снова очутился въ знакомомъ кабинетѣ. Передо мною былъ уже не прежній В. В. Григорьевъ, но воссѣдалъ уже вполне освоившійся съ своею ролью, и потому увѣренный въ себя и въ своихъ силахъ блюститель благочинія въ русской мысли. Въ голосъ его слышались раздражительныя нотки. Въмѣсто прямаго отвѣта на мой вопросъ, Григорьевъ распространился о „господахъ журналистахъ“, которые позволяютъ себѣ судить и рядить обо всемъ, осмѣливаются навязывать совѣты и мнѣнія правительству, а въ сущности говорятъ только пустяки и глупости, ровно ничего не вѣдая и не понимая. И осмѣлился замѣтить на это, что „обсуждать дѣйствія“ дозволяетъ законъ; если же подъ выраженіемъ „обсужденіе“ слѣдуетъ разумѣть только похвалы, то такое толкованіе составляетъ для всѣхъ еще новость и что во всякомъ случаѣ, во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо, чтобъ оно было разъяснено закономъ же. Что касается до неосновательности и до глупости, то очень странно, что противъ глупости не вступаетъ основательность и умъ, а предпочитаютъ никого не убѣждающія и ничѣмъ не объясняемыя кары. Для умныхъ мнѣній всегда найдется мѣсто и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ другихъ, частныхъ изданіяхъ, которымъ за эти услуги даже и платить не придется. Въ заключеніе, такъ какъ все это было „вообще“, относилось ко всей журналистикѣ, я попросилъ категоричнѣе указать въ чемъ именно заключались преступленія „Русскаго Обозрѣнія“ противъ логики,

знанія и истины? Тогда В. В. Григорьевъ еще болѣе раздраженно замѣтилъ, что оба предостереженія даны „за нахальный тонъ“ газеты. Такимъ образомъ, отъ мнѣній, разума и истины, мы перешли уже на музыкальную почву. „Нахальное“ опредѣленіе тона газеты истощило весь запасъ моего смиренномудрія. Я поспѣшилъ отвѣтить, что дѣйствительно „Русское Обозрѣніе“ не говоритъ лакейскимъ языкомъ и услужливый тонъ не въ его природѣ; но едва ли найдется и цензурное постановленіе, предоставляющее карать изданіе за то, что ему свойственны тотъ языкъ и тотъ тонъ, которые общи всѣмъ свободнымъ и уважающимъ себя людямъ. По крайней мѣрѣ, добавилъ я, можно поручиться, что во всѣхъ сужденіяхъ и логическихъ приемахъ газеты не найдется даже и слова „нахальный“. В. В. Григорьевъ, безъ сомнѣнія, понялъ сущность этой реплики, сдѣлалъ приличную случаю оговорку, смягчился и съ начальническаго тона перешелъ на болѣе благодушный.

Въ началѣ января 1877 г. „Русское Обозрѣніе“ получило третье предостереженіе, съ пріостановкою изданія на два мѣсяца—до 12 марта 1877 г.

Эта тяжкая кара, послѣдовавшая въ горячее время подписки, объяснялась фельетономъ № 1 и передовою статьею № 2 газеты. Я не пробовалъ уже ходить за разъясненіями въ Главное Управленіе по дѣламъ печати. Опытные журналисты говорили мнѣ, что тяжелое взысканіе постигло газету „за мрачныя краски“. Дѣйствительно, и фельетонъ, и передовая статья были посвящены обычному обзору политической и общественной жизни за истекшій годъ. Свѣтлаго въ этой жизни было очень мало. Тогда назрѣвали тѣ бѣдствія, которыя теперь для всѣхъ стали ясными. Ихъ не желали замѣчать и предупредить тѣмъ болѣе гибельныя послѣдствія. Согласовалось ли такое отношеніе къ жизни съ обязанностями независимой и „свободной“ печати? По неволѣ выходили „мрачныя краски“.... Газета каралась за то, что не измѣняла публицистическому долгу. Кары эти не могли уловить ни одного дѣйствительнаго нарушенія цензурныхъ постановленій, общихъ законовъ или правительственныхъ распоряженій.

Онѣ послѣдовали за „тонъ“ и за „краски“—по части музыки и живописи.

Г. Е. Градовскій.

2-го декабря 1880 г.
С. Петербургъ.

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Воспоминанія Г. К. Градовскаго.

IV ¹⁾.

„Русское Обозрѣніе“ испытало всѣ невзгоды пріостановки изданія въ тотъ періодъ времени, когда болѣе практичныя редакціи не допускають „никакого либерализма“. По этой именно причинѣ, нашлись въ журнальной средѣ прозорливые люди, которые объясняли пріостановку газеты „выгодами“ редакціи, неудачею подписки. Честный образъ дѣйствій и вѣрность публицистическому долгу до такой степени были немыслимы, что казались многимъ чѣмъ-то въ родѣ самаго тонкаго плутовства. Въ глазахъ другихъ, это по меньшей мѣрѣ было смѣшное донкихотство! Прозорливые люди, однако, обманулись.

Ровно въ назначенный срокъ, не запоздавъ ни однимъ днемъ, „Русское Обозрѣніе“ снова появилось.

Выпуская двойные нумера, газета могла просуществовать только до 17-го апрѣля 1877 г., включительно. Изъ шести выпусковъ, только одинъ ускользнулъ отъ кары. Предостереженія акуратно слѣдовали черезъ нумеръ, но относились къ каждому изъ нихъ. Можно было думать, что каждый нумеръ заслуживалъ только половину предостереженія; но двѣ половины складывались въ какой-то таинственной лабораторіи и образовывали цѣлое, которое появлялось уже въ формѣ извѣстнаго „распоряженія“. Пропускъ одного нумера объясняется, надо полагать, тѣмъ, что онъ вышелъ на свѣтлый праздникъ. Такимъ образомъ, одинъ день въ году, цензура прониклась (1877 г.) терпимостью и христіанскимъ всепро-

¹⁾ См „Русскую Старину“ изд. 1882 г., т. XXXIII, февраль, стр. 491—510.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXXIII, 1882 г., МАРТЪ.

щеніемъ: въ этотъ день умолкъ ея тогдашній вопль „распи“! Зато послѣдовавшее затѣмъ распоряженіе, объявившее газетѣ второе предостереженіе, не удовольствовало однимъ этимъ взысканіемъ: одновременно была воспрещена и розничная продажа нумеровъ „Русскаго Обозрѣнія“. Необходимо замѣтить, что прерванная первою пріостановкою подписка побудила публику быть осторожною. „Русское Обозрѣніе“ расходилось главнымъ образомъ посредствомъ розничной продажи нумеровъ. Теперь, простымъ административнымъ распоряженіемъ, отымалось у изданія и это матеріальное подспорье, хотя отчасти исправлявшее несправедливость первой пріостановки. Необходимо замѣтить, что запрещеніе розничной продажи, въ іерархической лѣстницѣ взысканій, считается слабѣйшимъ и потому обыкновенно предшествуетъ предостереженіямъ. Оно, такъ сказать, предостерегаетъ отъ предостереженія. Газета, получившая „запрещеніе розничной продажи“, удваиваетъ осторожность и всѣ издательскіе помыслы клонятся къ тому, чтобъ заслужить прощеніе. Съ разрѣшеніемъ розничной продажи, возвращается нѣкоторое спокойствіе и надежда, что гроза предостереженій миновала. Но „Русское Обозрѣніе“ не считали нужнымъ предохранять отъ предостереженій предварительнымъ запрещеніемъ розничной продажи. Зато, когда стало извѣстно, что розничная продажа нумеровъ этого еженедѣльнаго изданія доходить до такихъ размѣровъ, о которыхъ только мечтаютъ многія ежедневныя газеты, то взысканіе это незамедлительно явилось въ видѣ сверхсмытной добавки ко второму предостереженію. Едва ли это не былъ единственный примѣръ одновременнаго примѣненія двухъ строгихъ каръ за одну и ту же вину. Но въ принципѣ тогдашней практики Главнаго управленія по дѣламъ печати, еще со временъ дальновиднаго М. Н. Лонгинова, входило правило: „бей независимое слово рублемъ“ и только особенно не сговорчивыхъ валия уже „дубьемъ“. Эта практическая философія, хотя и противорѣчила „охранительнымъ“ возгласамъ противъ разрушителей основъ и собственности, но относительно печати въ то время считалось, что всѣ средства хороши. Примѣненіе ея, къ сожалѣнію, находило оправданіе въ безпринципности, разъединенности и матеріальной расчетливости большинства журналистики.

Останавливаясь на вопросѣ, что вызывало такое систематиче-

ское преслѣдованіе „Русскаго Обозрѣнія“, приходится опять теряться въ недоумѣніяхъ. Мы въ это время были наканунѣ войны. Теченіе тянуло насъ въ тотъ грозный потокъ, который нанесъ намъ столько ранъ и разрушеній въ 1853—1855 годахъ. Приходилось измѣнить убѣжденіямъ, вкоренившимся послѣ крымской войны. Во всѣхъ инкриминированныхъ статьяхъ, „Русское Обозрѣніе“ старалось противодѣйствовать слишкомъ легкимъ расчетамъ на успѣхъ и презрительнымъ отношеніямъ къ непріятелю. Изъ опасенія, чтобъ не повторились разочарованія крымской войны, газета напоминала тогдашнія неурядицы, предостерегала отъ хищничества интендантства и подрядчиковъ. Она указывала на опасность новой европейской коалиціи, которую можно было бы обезоружить лишь въ томъ случаѣ, еслибъ наше внутреннее положеніе отвѣчало тѣмъ высокимъ гуманнымъ идеямъ, которыя заявлялись въ дѣлѣ защиты славянскихъ народностей отъ турецкаго гнета. Газета выражала опасеніе, чтобы и неудача, и побѣды не были бы одинаково невыгодны для Россіи. Прискорбныя послѣдствія неудачи сами по себѣ понятны; военный же успѣхъ, хотя бы и надъ такимъ слабымъ и раздражаемымъ внутренними беспорядками врагомъ, какъ турки, могъ лишь отуманить наше сознаніе и усилить реакцію.

„Русское Обозрѣніе“, со времени сербскихъ неудачъ, не разъ выставяло и старалось вкоренить въ общественномъ сознаніи убѣжденіе, что освободителемъ можетъ быть только тотъ, кто самъ свободенъ отъ всего внутренняго зла, неправды и хищенія; и приходитъ въ негодованіе отъ внутреннихъ неурядицъ чужой жизни имѣютъ основаніе лишь тѣ, кто сознаетъ и исправляетъ собственное нестроеніе. Наши воинственные возгласы противъ турокъ слишкомъ напоминали легкомысленные крики парижской толпы: „въ Берлинъ, въ Берлинъ“, и нашу собственную самоуверенность наканунѣ крымской войны. Обязанность трезвой печати было предостерегать отъ подобныхъ увлеченій, за которыя приходится расплачиваться горькими униженіями и разочарованіями.

Спрашивается, что же тутъ было или могло быть противоправительственнаго или вреднаго? Если газета ошибалась, если предостереженія ея были излишнею мнительностью, тѣмъ лучше. Само правительство заявляло о своемъ миролюбіи и приступало

къ войнѣ съ тою осторожностью, которая дѣлаетъ ему честь. Предостереженія печати могли имѣть отношеніе только къ обществу, чтобъ умѣрить его пылъ и легкомысліе тѣхъ, которые разжигали воинственные страсти и шутили такимъ страшнымъ, безчеловѣчнымъ дѣломъ, какъ война.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ извѣстно, значительнѣйшая часть опасеній, выраженныхъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“, оправдалась на дѣлѣ. Еслибъ печати была предоставлена законная свобода, можетъ быть у насъ были бы строже взвѣшены турецкія силы; гг. Грегеры и Горвицы, съ интендантствомъ во главѣ, не предоставили бы продовольствіе арміи на произволъ случая, и всегда возможные на войнѣ частныя неудачи не были бы встрѣчены такъ растерянно; легкомысленный воинственный пылъ не смѣнился бы такимъ унижительною и трусливымъ разочарованіемъ, какъ это случилось послѣ плевненскихъ штурмовъ и снятія осады Карса. Наконецъ, какъ мы знаемъ теперь, и опасеніе, что самый успѣхъ войны не принесетъ пользы нашему внутреннему развитію, вполне оправдалось. Не только общее положеніе наше въ 1878 и 1879 гг. значительно ухудшилось, но и самое сознаніе необходимости его улучшенія и преобразованія со всею силою возникло только въ началѣ 1880 года.

За что же, повторяемъ, преслѣдовалось независимое слово въ печати; кому и чему эти кары и стѣсненія умственной дѣятельности приносили пользу?

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя опасенія выражались въ „Русскомъ Обозрѣніи“ до объявленія войны. Какъ только послѣдовалъ Высочайшій манифестъ отъ 12-го апрѣля 1877 г., газета поспѣшила присоединиться ко всей печати съ пожеланіями полного успѣха нашей арміи. Чаша испытаній была налита — приходилось ее испить. Предостерегать было уже несвоевременно; слѣдовало заботиться о томъ, какъ бы довершить съ честью и безъ особыхъ потерь начатое дѣло. Въ этомъ смыслѣ, въ самый день объявленія войны, редація адресовала телеграмму Августѣйшему Главнокомандующему и получила отъ Его Императорскаго Высочества весьма любезный отвѣтъ. Такъ какъ это могло выяснитъ обществу и особенно карающему главному управленію по дѣламъ печати истинный смыслъ отношеній газеты къ войнѣ, то въ ближайшемъ номерѣ были напечатаны, какъ редак-

ціонная телеграмма, такъ и отвѣтъ на нее Главнокомандующаго южною арміею. Желая еще болѣе успокоить главное управленіе по дѣламъ печати и имѣя въ виду, что большинство придирокъ его вызывалось фельетонами, редакція рѣшилась болѣе не помѣщать ихъ, сосредоточивъ вниманіе уже не на вопросахъ и недугахъ нашей внутренней жизни, но на сообщеніи извѣстій съ театра войны, которыя подвергались особой, тогда же установленной цензурѣ. Въ такомъ видѣ и вышелъ 17-го апрѣля 1877 года № 12—13 „Русскаго Обозрѣнія“. Все это ни къ чему доброму, однако, не повело.

Черезъ два дня по выходѣ № 12—13, ко мнѣ зашелъ одинъ знакомый предупредить, что на счетъ „Русскаго Обозрѣнія“ онъ слышалъ весьма неутѣшительную вѣсть. Готовится, будто бы, третье предостереженіе и продолжительная пріостановка. Крайне обезпокоенный и возмущенный этимъ извѣстіемъ, я отправился въ Театральную улицу, чтобъ узнать въ чемъ дѣло. Почти у воротъ цензурнаго комитета встрѣчаю цензора, которому препровождался экземпляръ газеты до выпуска его изъ типографіи. Я сообщилъ ему свои опасенія и получилъ довольно успокоительный отвѣтъ. Онъ жаловался на безпокойство, причиненное ему „Русскимъ Обозрѣніемъ“: благодаря газетѣ, онъ не спалъ въ ночь съ 16-го на 17-е апрѣля, предшествующую выходу послѣдняго нумера. Оказалось, что цензоръ получилъ отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати В. В. Григорьева записку, въ которой было приказаніе отправиться въ типографію, просмотрѣть нумеръ „Русскаго Обозрѣнія“ и задержать его, если въ немъ будетъ хотя что-нибудь сомнительное въ цензурномъ отношеніи. Цензоръ исполнилъ приказаніе своего начальства и, въ нарушеніе закона, безъ вѣдома редакціи, пересмотрѣлъ не представленный ему нумеръ въ типографіи передъ самымъ печатаніемъ его. „Вы понимаете,—добавилъ цензоръ къ своему разсказу,—своя рубашка ближе къ тѣлу; еслибъ я нашелъ что-нибудь сомнительное, я задержалъ бы нумеръ; но въ немъ не было даже и фельетона. Однако, вы видите, какое противъ васъ настроеніе, а потому вамъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ“. Поблагодаривъ за любезное объясненіе цензора, отъ котораго дѣйствительно не встрѣчалось никакихъ придирокъ и который въ данномъ случаѣ творилъ лишь волю пославшаго его,—я зашелъ

на всякій случай въ цензурный комитетъ. Здѣсь тоже ровно ничего не знали и не подозрѣвали даже о ночной экскурсіи цензора въ типографію. Послѣдній нумеръ „Русскаго Обозрѣнія“ никакихъ недоумѣній не возбуждалъ и никакихъ представленій по его поводу цензурный комитетъ не дѣлалъ. Совершенно успокоенный всѣмъ этимъ, я не отправился за дальнѣйшими справками въ главное управленіе по дѣламъ печати. Мнѣ претило входить въ это управленіе, изъ котораго сыпались кары и прежде, не справляясь даже съ мнѣніемъ цензуры, поверхъ, такъ сказать, ближайшихъ бюстителей благочинія въ русской мысли. Къ тому же, мнѣ казалось непрактичнымъ самому возбуждать тревогу и сомнѣнія въ благонамѣренности своей газеты.

Въ тотъ же день, позднимъ вечеромъ, одинъ изъ инспекторовъ типографій, съ свойственною имъ вѣжливостью, вручилъ мнѣ „распоряженіе“, въ силу котораго за № 12—13 „Русскаго Обозрѣнія“ объявлялось третье предостереженіе, съ пріостановкою изданія на высшій срокъ—шесть мѣсяцевъ.

Въ жгучее время войны, когда даже лѣндивые и полуграмотные жадно читають газеты, „Русское Обозрѣніе“ приговаривалась къ шестимѣсячной смерти.

Поводомъ такой кары послужилъ тотъ самый нумеръ, который былъ строго просмотрѣнъ и пропущенъ самою цензурою. Коментаріи, полагаемъ, излишни.

Сознавая, что отъ этого удара газета, всѣ потраченные на нее труды, заботы и средства могутъ окончательно погибнуть и зная очень хорошо, что многіе подписчики не выписываютъ другой газеты, я поспѣшилъ принять мѣры, чтобъ хотя нѣсколько ослабить бѣду. Во время этой шестимѣсячной пріостановки подписчикамъ на „Русское Обозрѣніе“ высылались другія газеты. Безоруженный, приговоренный къ молчанію и бездѣйствію, въ то горячее время, когда не только публицистъ, но всякій мыслящій человѣкъ жаждетъ печатнаго слова и обмѣна мыслей, — я не въ страхъ былъ сидѣть сложа руки. Я рѣшился отправиться на театръ войны и съ этою цѣлью предложилъ редакціи „Голоса“ быть ея военнымъ корреспондентомъ. Такъ какъ на Дунаѣ имѣлось уже много корреспондентовъ, то мое намѣреніе было отправиться въ Малую Азію, въ кавказскую армію, о которой, казалось, въ то время всѣ забыли, полагая, что тамъ дѣло ограни-

чится лишь оборонительнымъ положеніемъ. Редакція „Голоса“ охотно приняла мое предложеніе и всѣ сборы, начиная отъ разрѣшенія со стороны военнаго начальства, улажены были въ нѣсколько дней.

Передъ отъѣздомъ, я отправился къ тогданнему министру внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютанту А. Е. Тимашеву. Мнѣ хотѣлось хотя что-нибудь сдѣлать въ пользу газеты и разъяснить то шаткое, невыносимое положеніе, въ которомъ находилась печать, пользующаяся кличкою „свободная“. А. Е. Тимашевъ принялъ меня очень любезно, какъ свѣтскій, воспитанный человѣкъ. Моя жалоба на главное управленіе по дѣламъ печати была выслушана съ большимъ тактомъ. А. Е. Тимашевъ заявилъ, что лично противъ меня онъ рѣшительно ничего не имѣетъ и упорно отрицалъ мое предположеніе, что ему нѣкогда слѣдить за всею печатью. Я полагалъ, что почти всегда ему приходится полагаться на представленія главнаго управленія, которое увлекается и отрывочныя мѣста и фразы статей, безъ связи съ общимъ направленіемъ газеты, возводитъ въ преступленія. Министръ, напротивъ, завѣрялъ, что онъ очень внимателенъ и строгъ къ этимъ представленіямъ, всегда самъ просматриваетъ заподозрѣнныя статьи и иногда умѣряетъ рвеніе главнаго управленія. Это навело разговоръ на войну, на общее наше положеніе и на положеніе печати въ частности. А. Е. Тимашевъ упрекалъ печать въ легкомысленности, въ подстрекательствѣ общества къ войнѣ; онъ говорилъ о тягости войны и объ опасности со стороны тѣхъ державъ, которыя косвенно поддерживаютъ Турцію и готовы, при случаѣ, подать ей прямую помощь. Онъ нѣсколько удивился, когда я выразилъ полное согласіе со всѣми этими опасеніями и заявилъ, что „Русское Обозрѣніе“ получало кары за тѣ самыя статьи, которыя противорѣчили легкомысленнымъ отношеніямъ къ войнѣ. Я вполне убѣдился, что истинное направленіе газеты оставалось неизвѣстнымъ министру, который и въ самомъ дѣлѣ лишенъ физической возможности услѣдить за всею печатью. Изъ этого разговора, я сдѣлалъ еще одно открытіе, очень характерное для выясненія взглядовъ господствовавшихъ во вліятельной средѣ по отношенію къ печати въ пережитое нами тяжкое время. Слыша самыя презрительныя отзывы А. Е. Тимашева о нѣкоторыхъ газетахъ и журналистахъ, объ ихъ двоедушіи, продажности

и готовности изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ на всякія сдѣлки съ совѣстью и на всевозможныя выходки передъ публикою, — я выразилъ мнѣніе, что существующія условія печати и система административныхъ взысканій не благопріятствуютъ независимой, честной, не спекулятивной печати, а поощряютъ именно ту нравственную разнузданность и то торгашество, которыя такъ возмущаютъ министра. Каково же было мое удивленіе, когда въ отвѣтъ на это, я услышалъ, что администраціи удобнѣе справляться и имѣть дѣло съ тѣми журналистами, которые преслѣдуютъ чисто коммерческія цѣли. Я пробовалъ представить соображенія, какая опасность грозитъ государству и обществу отъ растлѣнія такой силы, какъ печать, отъ уничтоженія независимаго, искреннаго слова; но убѣдился, что журналистика разсматривается только какъ зло, которое по необходимости приходится терпѣть, и что въ полезныя, плодотворныя услуги ея истиннымъ интересамъ государства, правительства и общества — нѣтъ ни малѣйшей вѣры.

Какъ извѣстно, заблужденіе это не ново и за него нельзя винить тѣхъ или другихъ лицъ. Эти заблужденія были отмѣчены еще покойнымъ княземъ В. Θ. Одоевскимъ, по отношенію къ тому времени, когда Дельвигъ, Пушкинъ и другіе лучшіе представители литературы пытались создать и противопоставить честную журналистику той монополюющей журнальной кликѣ, которая подъ фирмою Булгарина, Греча и Сеньковского „торговала благонамѣренностью и патріотизмомъ“ ¹⁾. Упоминая о тѣхъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ, которыя пускались въ ходъ для удержанія этой вредоносной монополіи и объясняя какимъ образомъ возникновеніе честной журналистики встрѣчало противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ, князь В. Θ. Одоевскій говоритъ: „Одинъ глубокомысленный человекъ, и не безъ вѣса, громко говорилъ, что лучше монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ. Подъ вліяніемъ этихъ „глубокомысленныхъ“ соображеній и ошибочныхъ взглядовъ на печать, воспитались люди той среды, изъ которой большею частью вышли дѣятели современной намъ эпохи. Неудивительно, что подобныя заблужденія возродились въ пережитое нами критическое время и

¹⁾ Выраженіе П. В. Анненкова.

что возымѣла свое значеніе старая привычка видѣть опасность въ гласномъ обмѣнѣ мнѣній и забывать сокрушительную силу, пристрастіе и увлеченія стоустной молвы, всегда таинственной и безконтрольной. Только случайно благоприятныя обстоятельства могли создать въ современныхъ намъ государственныхъ дѣтеляхъ убѣжденіе, что лучшее орудіе противъ всякихъ „превратныхъ толковъ“ и противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ заключается въ самой печати, при условіи ея независимости. Считается азбучною истиною, что государственная власть обязана поддерживать нравственность. Очевидно, одно только заблужденіе можетъ допускать исключенія изъ этого правила. да еще по отношенію къ такой могучей силѣ, какъ печать“.

Мы обязаны тутъ отмѣтить еще одинъ, очень грустный фактъ, но также весьма важный для объясненія недавняго, и дасть Богъ невозвратнаго, прошлаго русской печати.

Если въ 1830—1840 годахъ, нецеремонное обращеніе съ печатью и противодѣйствіе честной журналистикѣ находили поддержку и отчасти оправданіе въ умственномъ и нравственномъ обликѣ тѣхъ журналистовъ, „съ которыми нечего церемониться“, — то совершенно аналогическія явленія соотвѣтствуютъ и нашей эпохѣ. Выше было упомянуто, что большинство каръ, постигшихъ „Русское Обозрѣніе“, предпринято было по непосредственному почину главнаго управленія по дѣламъ печати, помимо ближайшихъ цензурныхъ учрежденій. Оказывается, что и въ починѣ главнаго управленія бывалъ иногда еще починъ. Онъ возникалъ съ той стороны, съ которой всего менѣе его можно было ожидать, всѣ интересы которой, казалось, противорѣчили преслѣдованіямъ печатнаго слова. Находились руки, которыя преподносили главному управленію совсѣмъ готовые, просмотрѣнные, подчеркнутые и коментированные цензорскіе доклады на поляхъ „Русскаго Обозрѣнія“. Эти добровольцы по цензорской части выходили изъ учено-литературной (?) среды... Они не стѣснялись отбивать хлѣбъ у чиновниковъ цензурнаго вѣдомства, не разъ тяготившихся своими обязанностями, и подводили ихъ подъ начальническіе выговоры за нерадѣніе. Намъ совѣстно называть этихъ лицъ, изъ уваженія къ ихъ положенію; но живы еще непосредственные свидѣтели этого постыднаго явленія, которые не откажутся, въ случаѣ надобности, подтвердить его. Да и дѣло не въ

именахъ теперь, а въ фактахъ. Подобные факты вполнѣ объясняютъ тотъ презрительный тонъ, съ которымъ А. Е. Тимашевъ и другіе государственныя лица отзывались, въ пережитые тяжелые годы, о „либеральной“ печати и о тѣхъ или другихъ газетахъ и журналистахъ. Сама журналистика (?) лѣзла подъ ярмо и подводила подъ него другихъ!...

V.

Въ сентябрѣ 1877 года, передъ истеченіемъ шести-мѣсячнаго срока пріостановки изданія, я возвратился изъ Малой Азіи въ Петербургъ, для возобновленія „Русскаго Обозрѣнія“. Проѣхавъ изъ конца въ конецъ, съ юга на сѣверъ, всю Россію, я былъ пораженъ рѣзкою переменною въ общественномъ настроеніи. Исчезли прежніе легкіе взгляды на войну, безусловная вѣра въ успѣхъ, презрительныя отношенія къ туркамъ. Невзгоды войны повсюду уже чувствовались. Множество семействъ осиротѣло, многіе города переполнены были ранеными и больными. Недостатки въ организаціи медицинской помощи, интендантская безурядица и хищничество тыла арміи и главнымъ образомъ неудачныя, кровавыя штурмы и отступленія производили замѣтное смущеніе. Недовольство, негодованіе, преувеличенныя опасенія, безнадежность провожали меня отъ Александрополя до Петербурга. Болѣе, нежели когда нибудь сознавалъ я тогда, какія услуги могла бы оказать печать, если-бъ не была у насъ стѣснена передъ войною и не обращена въ лъстивые листки, заискивавшіе то у толпы, то у администраціи. Стѣсненія гласности совершили свое дѣло и во время войны. Многіе не вполнѣ довѣряли корреспонденціямъ, предполагая, что не вся истина могла въ нихъ проскользнуть. Изъ тѣхъ же мѣстъ, изъ которыхъ не было вовсе корреспонденцій, росли самыя чудовищныя слухи, подливавшіе масло въ огонь. Такъ было, напримѣръ, по поводу извѣстнаго возстанія на Кавказѣ, гдѣ у многихъ были родные, знакомые, которыхъ считали погибшими. Съ трудомъ приходилось успокаивать черезчуръ взволнованныхъ и умѣрять, не тотъ здоровый, смѣло глядящій въ глаза опасности скептицизмъ, который обыкновенно у насъ преслѣдовался, но скептицизмъ позорный, трусливый, недостойный великаго народа, который всегда находилъ себѣ приволье въ общественной бездѣтельности, въ безправіи и приводилъ къ безсилію и упадку

духа. Чтобъ характеризовать до какой степени рѣзко измѣнилось общественное настроеніе въ эти шесть мѣсяцевъ, достаточно привести слѣдующій примѣръ. Осажденный со всѣхъ сторонъ тревожными вопросами объ общемъ положеніи Кавказской арміи, я рѣшился печатно отвѣчать на нихъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ же могли меня лично слышать. Я свидѣтельствовалъ о прекрасномъ духѣ арміи, о томъ, что единственною причиною (ближайшею, конечно) временной пріостановки наступленія былъ недостатокъ войскъ и что въ отрядѣ Михаила Таріелловича Лорисъ-Меликова (нынѣ графа) интендантская часть въ безупречномъ состояніи. Все это было сущою правдою и не замедлило подтвердиться; но подало поводъ одному лицу състроумничать: онъ заявилъ, въ печати, что по всему видно, что я собираюсь поступить въ интендантскіе чиновники. А шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ, одно предположеніе о возможности военныхъ неудачъ и интендантскихъ безпорядковъ вызывало обвиненія въ „туркофильтствѣ“ и административныя преслѣдованія со стороны Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Въ Петербургѣ и Москвѣ общее недовольство какъ бы сосредоточивалось и вызывало серьезное безпокойство въ правительственныхъ сферахъ. Сами чиновныя власти не могли не сознавать, что поводы къ недовольству и сомнѣніямъ существовали. Особенный переполохъ произопелъ въ Петербургѣ, когда дѣла подъ Телищемъ и Горнымъ Дубнякомъ заставили петербургское общество сознать, что война не маневры въ Красномъ Селѣ и почувствовать то, что ранѣе переносили многіе другіе города, успѣвшіе сродниться съ тѣмъ или другимъ полкомъ. Къ сожалѣнію, причинъ неудачъ всѣ искали на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ поступкахъ или распоряженіяхъ отдѣльныхъ лицъ, тогда какъ корень ихъ лежалъ въ условіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ и прежде всего въ нашей мыслебоязни. Имѣвъ случай бесѣдовать въ то время со многими остававшимися въ Петербургѣ представителями правительственной власти, я вынесъ убѣжденіе, что тревога и тотъ опасливый, нездоровый скептицизмъ, о которомъ говорено выше, проникли далеко за предѣлы чисто общественной сферы, но вѣрнаго взгляда на причины почти буквального повторенія уроковъ Крымской войны не было замѣтно и не чувствовалось даже сознаніе въ не-

обходимости его выясненія. Этимъ въ достаточной мѣрѣ объясняется почему послѣ одержаннаго въ концѣ концовъ военнаго успѣха мы обречены были перенести еще два года (1878 и 1879) наиболѣе тягостной реакціи, отъ которыхъ только теперь нѣсколько отдыхаемъ, благодаря началу новой политики.

Это отступленіе необходимо было для уясненія тѣхъ обязанностей, которыя возлагались въ то время на печать. Должна была честная, независимая, преданная государственнымъ интересамъ журналистика выкрикивать противъ Грегера и Горвица и натравливать общество, съ предъугаданнаго дозволенія, на тѣхъ или другихъ начальниковъ арміи, или долгъ ея заключался въ томъ, чтобъ выяснитъ коренныя причины повторившихся неблагоприятныхъ явленій эпохи Крымской войны? Возобновившееся „Русское Обозрѣніе“ стояло на этой объективной точкѣ зрѣнія. Изъ этого уже ясно, что оно заранѣе обречено было на смерть.

VI.

Осенью 1877 года, однако, все это не могло такъ ясно сознаваться, какъ теперь. Напротивъ, были нѣкоторые благопріятные и обнадеживавшіе признаки. Они заключались въ благопріятномъ оборотѣ, который произошелъ въ отношеніяхъ ко мнѣ лично со стороны тогдашнихъ правительственныхъ лицъ. Возвратившись въ Россію, я не только былъ порадованъ сочувственнымъ отношеніемъ къ моимъ военнымъ корреспонденціямъ со стороны общества, но и пріятно удивленъ одобреніемъ ихъ въ правительственной сферѣ. Военная цензура почти не касалась моихъ корреспонденцій. Въ самомъ главномъ управленіи по дѣламъ печати, съ которымъ я разстался при полномъ разрывѣ, мнѣ довелось слышать много любезностей. Министръ внутреннихъ дѣлъ не только пріятливо меня встрѣтилъ и разспрашивалъ, но и не ожидая выхода „Русскаго Обозрѣнія“, отмѣнилъ запрещеніе розничной продажи. Словомъ, уѣхавъ на театръ войны страшно неблагонадежнымъ, я возвратился самымъ благонамѣреннымъ человѣкомъ. Такъ какъ въ эти шесть мѣсяцевъ во мнѣ не произошло никакой внутренней перемѣны, то и было основаніе надѣяться, что перемѣны слѣдуетъ искать въ самыхъ цензурныхъ условіяхъ, во взглядахъ

на независимое печатное слово. Я возобновилъ поэтому газету съ надеждою на лучшія и болѣе безпристрастныя къ ней отношенія.

Въ это время „Голосъ“ предложилъ мнѣ опять ѣхать спеціальнымъ военнымъ корреспондентомъ, но на этотъ разъ уже за Дунай. Оказалось, что бывшіе въ дунайской арміи спеціальныя корреспонденты этой газеты были удалены и ей запрещалось во все ихъ имѣть въ арміи. „Голосъ“ пробовалъ послать новаго корреспондента, но онъ не былъ допущенъ. Тогда-то редакція и обратилась ко мнѣ, въ надеждѣ авось для меня будетъ сдѣлано исключеніе. Такъ какъ военная жила болѣе или менѣе сидитъ въ каждомъ, такъ какъ всѣ наши помыслы и чувства въ то время устремлены были къ родной арміи, то весьма понятно, что я согласился. Къ тому же и предложенныя мнѣ тогда матеріальныя условія давали надежду попомянуть хотя отчасти опустошенія, произведенныя въ кассѣ „Русскаго Обозрѣнія“ предшествовавшими карами. Устроивъ редакціонную часть, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, я опять уѣхалъ изъ Петербурга, успѣвъ выпустить при себѣ только одинъ номеръ газеты.

Должное разрѣшеніе изъ главной квартиры Дунайской арміи я получилъ очень легко и при томъ дѣйствительно по исключенію, о чемъ и упомянуто въ сохраняющихся у меня документахъ. Упираю на этотъ фактъ собственно для того, чтобы показать, что „благонадежность“ моя не только продолжалась, но получила новое, блистательное подтвержденіе. Въ ноябрѣ 1877 г., во время войны, передъ паденіемъ Плевны, во время новой неудачи подъ Еленою, мнѣ лично, на мою отвѣтственность, было разрѣшено то, въ чемъ отказывалось цѣлой редакціи одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ Россіи. Я пробылъ за Дунаемъ 4½ мѣсяца, перешелъ за Балканы и дождался въ Санъ-Стефано заключенія предварительнаго мира. Изъ всего этого можно заключить, что вредоносность моей публицистической дѣятельности, если она только существовала, во всякомъ случаѣ не была особенно велика и не выдавалась изъ общаго уровня. Не могъ же я въ такой короткій промежутокъ времени измѣниться? Тѣмъ не менѣе, возвратившись въ Россію, черезъ Константинополь и Одессу, въ послѣднихъ числахъ февраля 1878 г., меня разомъ поразили двѣ горестныя вѣсти. За пять недѣль передъ тѣмъ, въ послѣднемъ дѣлѣ 18-го января 1878 г. (повтореніе батумскихъ

штурмовъ) мой родной братъ былъ убитъ наповаль на непріятельскихъ окопахъ, подавая примѣръ храбрости разстроеннымъ солдатамъ. Хотя я лично и отдѣлался счастливо отъ ранъ и тифа, но не менѣе тягостная нравственная и матеріальная невзгода разразилась падо мною во время моего пребыванія на театрѣ войны.

„Русское Обозрѣніе“ успѣло получить за это время пять предостереженій, съ прежними шестью—всего одиннадцать.

Два изъ нихъ подошли подъ амнистію, послѣдовавшую въ декабрѣ 1878 г., а остальные послѣдовали за пять новогоднихъ номеровъ. Съ 8 февралѣ 1878 г. „Русское Обозрѣніе“ опять было приостановлено и опять на шесть мѣсяцевъ. Не гостеприимно встрѣтила меня на этотъ разъ родина!..

Большая часть предостереженій послѣдовала опять за мои статьи, присланныя съ театра военныхъ дѣйствій. Я писалъ ихъ подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя поражали болѣе или менѣе cadaго, кто былъ въ Дунайской арміи. Ихъ испытывали отчасти, какъ мнѣ случалось не разъ убѣдиться, весьма многіе. Дѣло въ томъ, что въ бѣдной Арменіи, представляющей развалины отжившаго, удаленнаго отъ вліянія новой цивилизаціи народа, наши внутренніе недостатки нисколько не бросаются въ глаза. Напротивъ, все наше казалось неизмѣримо выше. Тамъ же чувствовалось никакого разлада, тамъ вапъ умъ и сердце находились въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что совершалось. Вы видѣли, что сильный пришелъ на помощь слабому, что цивилизованные люди борются противъ варваровъ, что богатый и свободный народъ протягиваетъ руку бѣдному и угнетенному. Понятно, что и въ корреспонденціи мои не могло прокрасться никакой горечи, никакого сомнѣнія въ самой умѣстности нашей помощи и освободительной роли. Совсѣмъ иное чувствовалось на Дунайскомъ театрѣ войны. Уже при первомъ шагѣ черезъ границу; при сравненіи, напримѣръ, чистенькаго, благоустроеннаго, прекрасно вымощеннаго и освѣщеннаго, кипучаго жизнью городка Яссы съ нашимъ мертвеннымъ Кишиневымъ становилось какъ-то неловко. Тутъ же, въ Иссахъ, не давая оправиться, васъ поражаало другое, гораздо болѣе тягостное сознаніе. На козлахъ прекрасныхъ парныхъ фаэтоновъ вы встрѣчали родныхъ вамъ людей, слышали родной вамъ языкъ. Ваше понятное любопытство быстро удовлетворяется. Вы узнаете, что эти зажиточные, гражданами

смотрящіе, люди вытѣснены въ маленькую Румынію, во время ихъ вытѣсненія бывшую еще турецкою провинціею, религіозными преслѣдованіями. А вѣдь мы кричимъ, что за крестъ мечъ нашъ поднять, а у васъ еще не изгладились отголоски высокопарныхъ возгласовъ противъ угнетателей православія! Ну въ какомъ же положеніи долженъ очутиться человѣкъ, незараженный лицемѣріемъ, подъ вліяніемъ подобнаго впечатлѣнія? Онъ разбѣжался спасать, сражаться за попоранную вѣру, и вдругъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ соотечественниками, отыскавшими здѣсь именно ту религіозную свободу, во имя которой подыять мечъ!

И чѣмъ далѣе по Румыніи, тѣмъ хуже, тѣмъ сильнѣе чувствуется какая-то фальшь всего предпринятаго дѣла, тѣмъ болѣе приходится краснѣть да краснѣть за наши порядки, за наше высокомеріе и ослѣпленіе. При переѣздѣ въ другія части Европы тоже совѣстно, но не такъ, какъ здѣсь, гдѣ вы ожидали совсѣмъ другаго, куда вы идете на помощь, какъ сильный къ слабому. Вы видите во всякой общинѣ школу, когда у насъ только разсуждали не повредить-ли образованіе и какой за нимъ удесятиренный надзоръ учинить. Вы видите обезпеченную личность, слышите открытую свободную рѣчь. Полная свобода печати, ничѣмъ не стѣсненная книжная торговля васъ поражаютъ на каждомъ шагу въ Бухарестѣ. Всѣмъ этимъ люди пользуются во время войны. О предостереженіяхъ и запретахъ и о многомъ другомъ не добромъ здѣсь забыли и думать. Цѣлое поколѣніе успѣло вырасти, не подозрѣвая даже, что внѣ-судебныя расправы могутъ гдѣ нибудь существовать. Вы замѣчаете наконецъ на окнахъ книжныхъ магазиновъ, въ рукахъ нашихъ чиновниковъ, офицеровъ, тѣ „запрещенныя“ русскія и иностранныя изданія, одно названіе которыхъ произносилось у насъ шопотомъ, съ бгладкою. Вы чувствуете, что здѣсь совѣстно даже спросить, не можетъ-ли грозить отъ всего этого какая нибудь опасность государственному или общественному порядку. Васъ не поймутъ, на васъ поглядятъ какъ на какого нибудь чудака. И вы знаете въ то же время, что весь этотъ замѣтный, бросающійся въ глаза благопріятный переворотъ произошелъ въ какихъ нибудь 25 лѣтъ, въ то самое время, когда мы такъ опасались „скользкой покатости прогресса“; вы сознаете, что эта маленькая страна неизмѣримо менѣе „подготовлена“ къ этому положенію, что у нея нѣтъ такой богатой

литературы, какъ въ Россіи, что вообще нравственные, умственные и матеріальные источники ея быта гораздо ниже нашихъ. А вѣдь мы и ее нѣкогда спасали и спасли изъ-подъ турецкаго ярма, да и теперь никто, какъ мы, ей же несемъ свободу, самостоятельность! Что же это сонъ, тяжкій кошмаръ, или все это происходитъ на яву? Вы спѣшите отдѣлаться отъ всего этого, отъ этой горечи, отъ этикъ тягостныхъ сравненій и переѣзжаете за Дунай. Тутъ, вы полагаете, настоящая наша миссія. Но и тутъ беспощадная правда изготавляетъ для васъ неожиданность въ видѣ явнаго благосостоянія, необыкновенной зажиточности болгарскаго населенія. Ихъ нельзя и сравнивать съ крестьянствомъ многихъ нашихъ губерній. Многіе при видѣ этого говорили: „ну ужъ братушки! И это имъ не житье! Засадилъ-бы ихъ.. Бунтовать вздумали!.. Одно слово — балованный народъ“. И на лицахъ говорившихъ это вы схватывали оттѣнки тѣхъ же недоумѣній, той же раздвоенности, того же чувства горечи, которыя невидимо накаплиются въ васъ съ самаго переѣзда черезъ границу. Вы очень хорошо знаете, что они будутъ сражаться, сѣумѣютъ умереть и постоять за честь русскаго оружія; но все-же для многихъ изъ нихъ внутренній смыслъ войны исчезъ.

Спрашивается, послѣ всего этого, если вы честный публицистъ, если вы любите родину и дорого вамъ ея развитіе, — могли-ли вы скрыть отъ своего общества всѣ эти впечатлѣнія, могли-ли вы содѣйствовать тому невѣдѣнію, въ которомъ задыхалась ваша страна и который стоилъ ей такихъ тяжелыхъ жертвъ? Обязаны ли вы были таить истину, какъ бы она горька ни казалась? Вотъ за стремленіе разоблачить все это, помочь нашему прозрѣнію, и посыпались новыя кары на „Русское Обозрѣніе“. Остальныя взысканія вызывались такими же отношеніями газеты къ внутреннимъ нашимъ событіямъ. Въ этомъ числѣ достойно вниманія предостереженіе, послѣдовавшее за напечатаніе письма бывшаго Оренбургскаго прокурора г. Павлова-Сильванскаго, разоблачившаго, въ самой сдержанной формѣ, тѣ, между прочимъ, явленія, которыя въ 1880 г. вызвали сенаторскую ревизію Уфимской губерніи со всѣми извѣстными нынѣ послѣдствіями.

Такимъ образомъ я засталъ изданіе „Русскаго Обозрѣнія“ пріостановленнымъ на шесть мѣсяцевъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ, т. е. 8-го августа 1878 г., я готовился возобновить изданіе. Пу-

бликаціи были сдѣланы, часть нумера была уже набрана. Но за четыре дня до выхода, именно 4-го августа, совершилось извѣстное уличное убійство генерала Мезенцова. Я узналъ объ этомъ происшествіи въ 5 часовъ; въ тотъ же день, около 12 часовъ ночи, получено мною приглашеніе явиться въ главное управленіе по дѣламъ печати для выслушанія „особаго правительственнаго распоряженія“. На другой день В. В. Григорьевъ мнѣ объявилъ, что „Русское Обозрѣніе“ приговорено къ смерти. Оно осуждено было еще разъ за прежнія вины и въ предвидѣніи новыхъ, по совершенно стороннему печати поводу!.. За все она у насъ была, въ пережитые годы, отвѣтчица...

VIII.

Такъ кончилось кратковременное существованіе газеты, не имѣвшей спекулятивныхъ цѣлей и, благодаря преслѣдованіямъ, не принесшей редакціи ничего, кромѣ значительнаго убытка и долговъ. Подъ такими-то вліяніями приходилось существовать столичной „свободной печати“. Самая исторія окончательнаго запрещенія „Русскаго Обозрѣнія“ въ высшей степени характерна для выясненія недавняго нашего прошлаго и заслуживала бы описанія; но это слишкомъ было еще недавно..... Ограничусь лишь замѣчаніемъ, что, по усвоенной привычкѣ, печать, печатающая всевозможные некрологи, ни однимъ словомъ не помянула погибшую газету. Зато нашлись такія лица, которые сочли долгомъ заявить, что „Русское Обозрѣніе“ исчезло съ лица земли отъ равнодушія публики, по недостатку читателей.

Извѣстно, что когда была запрещена первая честная и независимая газета на Руси, основанная Дельвигомъ, другомъ Пушкина, и запрещена за усмотрѣнную въ ней неблагонадежность, то раззорительная и нравственная тягость этой расправы, безъ суда и оправданія, такъ потрясла Дельвига, что онъ заболѣлъ и умеръ. Съ тѣхъ поръ нервы наши успѣли пообыкнуть къ подобнымъ „случайностямъ“, и плохой тотъ литераторъ, который не рассчитываетъ на нихъ, вдаваясь въ публицистику. Онъ ранѣе долженъ готовиться на всѣ испытанія. Тѣмъ не менѣе, несправедливость всегда тяжело переносить и благо тому обществу, которое оберегается отъ нихъ.

По поводу запрещенія „Литературной Газеты“ Дельвига, находившійся тогда еще въ цвѣтѣ силъ князь П. А. Вяземскій, самъ на себѣ испытывавшій всяческія заподозриванія и обвиненія, писалъ:

— „Есть ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Оадѣемъ Булгаринымъ, который рѣшительно казнить и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какой нибудь Фотій, когда ни тотъ, ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона и писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ бы истину, еслибъ кто раскрылъ ее передъ нимъ. Но всѣ молчатъ“.

Намъ также были дарованы Государемъ-Освободителемъ новыя законы и свобода, но никто не хотѣлъ уважать ихъ. Насъ освобождали отъ цензуры для того, чтобы честные некривящіе совѣстью, уважающіе печать люди и журналы страдали и погибали, для вящаго торжества лицемѣрной, низко услужливой, растлѣнной печати, во славу и утѣшеніе современныхъ Гречей и Булгариныхъ! При недавнихъ условіяхъ печати (въ 1870—1879 гг.) тоже никто не считалъ долгомъ „отстаивать существующаго закона или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ“; никто не хотѣлъ „раскрыть истину“ и „всѣ молчали“.

Г. Е. Градовскій.

20-го декабря 1880 г.

С.-Петербургъ.
